

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Основной тенденцией развития российской политической науки является сосредоточение внимания на изучении посткоммунистических изменений главным образом на региональном уровне в сравнительном контексте. Актуальность данного направления исследований объясняется длительностью и неоднозначностью результатов «демократических» транзитов в странах постсоветского режима, особенно проблематичных для России и стран СНГ (для которых характерна мозаичность политического пространства, несовпадение этнических границ с государственными и неравномерность экономического и культурного развития составляющих их регионов)*.

Как правило, большинство современных исследований политических режимов фокусируют свое внимание на 2-ом уровне предметного типа содержательного среза структуры социологии (из 3-х выделенных Р.Мертоном). В то же время противоречивые выводы ученых и научные споры относительно сущности и проблем процесса трансформации политических режимов в постсоветских странах (например, России) чаще всего заключаются в пренебрежении метасоциологией, которая исследует наши знания об изучаемом объекте, исследует категориальный аппарат социологического знания. Пренебрежение метасоциологией проявляется в использовании узких терминов в более широком значении**. Попытки упростить исследуемую проблему часто приводят к неверной посылке, из которой исходят ученые, строя свои теоретические конструкции. Той же слабостью страдают и зарубежные исследователи. Так, известный политолог Ларри Даймонд отмечает, что две прошедшие «волны демократии» повлекли за собой «откатные волны» крушения недавно созданных демократических режимов [1]. Но почему крах авторитаризма должен непременно привести к установлению демократии? Представление о линейном однонаправленном развитии политического режима от авторитаризма (часто отождествляемого с социализмом) к демократии кажется несколько примитивным. и напоминает идею марксизма об общественных формациях, проходящих стадии от первобытно общинного строя до абстрактного коммунизма.

Низкое качество большинства молодых демократий и возвращение к авторитаризму другой части вновь созданных демократий может свиде-

* Проблема «многосоставности» регионов России и, как ее следствие, разнообразие политических режимов, строящихся на пространстве постсоветской России, осложняют попытки типологизации региональных режимов.

** На наличие этой проблемы также указывает С.В.Борисов в статье «Актуальный политический режим в Нижегородской области: становление в 1990- х гг.» / Полис, 1999, №1.

тельствовать в пользу того, что в некоторых странах кризис авторитаризма явился своего рода «болезнью роста», когда авторитарный режим на время отступает, чтобы «выпустить пар» - снять накопившееся в обществе социальное напряжение. Кроме того, авторитаризм укрепляет, легитимирует в глазах мирового сообщества свои позиции путем введения демократических процедур (проведение внешне конкурентных выборов, введение формальных свобод). В результате, в большинстве случаев создается то, что называют «электоральной клановой системой» (термин введен в оборот М.В.Ильиным) и «состязательной олигархией» (термин заимствованный автором у В.П.Елизарова). Как отмечают некоторые российские исследователи [2], насаждение демократии на неподготовленную для нее (авторитарную) почву создает ситуацию, при которой формальная демократия пробуксовывается неформальными авторитарными институтами, что не только не увеличивает объем свобод, но и в условиях нагнетающейся нестабильности способствует ограничению доселе имеющихся прав и свобод, нарастанию крайних тоталитарных тенденций (в противном случае, нестабильность без сдерживающих мер может привести к анархии и распаду государств).

Таким образом, нетерпение продемонстрировать близость окончательной победы демократии привело минималистские теории к краху – номинальное отнесение всех потерпевших разрушение авторитаризма стран к демократическим вело к дискредитированию сути демократического режима. Возникла ситуация, когда к демократическим относили страны с большим стажем демократии и максимальным числом прав и свобод наравне со странами, не имеющими опыта демократического строительства и пытающимися ее создавать на базе политической культуры авторитарного режима, с ограниченным числом прав и свобод. Защитной реакцией теорий демократии явилось возникновение теории либеральной демократии. Если минималистские теории демократии ориентировались на ограниченное число формальных признаков демократии, то теория либеральной демократии расширила диапазон признаков демократизма и дополнила их неформальными критериями, которые позволяют проверять эффективность действия введенных в стране демократических процедур, прав и свобод. В результате континуум развития политического режима от авторитаризма к демократии был дополнен промежуточными типами, характеризующимися формальностью демократических преобразований, а содержание демократии было идеализировано введением более строгих критериев демократичности. Этот континуум, представленный Ларри Даймондом [3], выглядит следующим образом: за авторитарным режимом следует псевдodemократия, за ней – электоральная демократия и конечная степень развития политического режима – либеральная демократия.

Однако даже данная теория не лишена недостатков. Проведенная грань между формальными демократиями и реальными не устранила идеа-

лизации демократии и представления о ней как о конечной желаемой цели развития политического режима. В чем же здесь дело?

Чтобы понять сущность и истоки развития какого-либо процесса или явления и иметь право делать выводы, необходимо соблюдение как минимум 2-х условий: 1) возможность наблюдения за изучаемым явлением в течение продолжительного периода времени, от начала до конца его развития; 2) необходимость его четкой характеристики, проясняющей содержание обозначающего его термина.

Сформулированный Гегелем принцип «все познается в сравнении со своей противоположностью» дает основание производить анализ содержания демократии в противопоставлении с социализмом (отождествляемым с авторитарным режимом) как иной формой развития политического режима.

Крайности трактовки демократии и коммунизма имеют истоками два крайних подхода к анализу социальной реальности:

1) нормативный, в рамках которого сначала создается идеальная теоретическая конструкция (коммунизм, социалистические идеалы), затем под нее подгоняется социальная реальность;

2) «реалистический», когда из нескольких существующих на данный момент случаев (явлений, объектов) выбирается один (на основе соответствия набору заранее выделенных характеристик) и принимается за лучший (демократия). Он-то и берется в качестве идеала, к которому в своем развитии должны стремиться другие объекты. При этом теоретики демократии не всегда задумываются, относятся ли иные случаи политического режима к тому же роду, что и демократия, ведь сравнение объектов происходило лишь по ряду признаков, субъективно отбирившихся исследователями. Кроме того, остальные случаи политического режима могут находиться на более ранней стадии развития, по которой трудно делать выводы относительно их содержания.*

Таким образом, обзор исследований, посвященных проблемам стран, переживающих период политической трансформации, указывает на необходимость систематизации накопленного эмпирического материала о различных случаях демократии, а так же на необходимость преодоления терминологической путаницы, которая возникает при попытке определить тип политического режима в поставтаритарной стране.

* Демократическому режиму как минимум 200 лет, тогда как попытке воплощения социализма в рамках отдельно взятой страны – не более 70 лет. Нельзя забывать так же и о том, что идеал демократии брался исследователями из уже существующих, тогда как в Советской России пытались воплотить теоретическую конструкцию, которая нигде до тех пор не апробировалась. Изначально и демократия имела черты авторитаризма, которые устранялись на протяжении длительного периода ее существования. Коммунистический режим как попытка воплощения идеальной конструкции тоже неизбежно должен был адаптироваться к реалиям жизни и несколько изменить изначально заданное теорией содержание.

Для этого нужно рассмотреть динамику изменения содержания понятий «демократия», «социализм», «авторитаризм» и «гражданское общество» от момента их возникновения до настоящего времени, «очищение их от идеологического налета» и выяснить, реализовали ли воплощенные демократические режимы идеи (потенциал), заложенные в их названиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ларри Даймонд. Прошла ли «3-я волна» демократизации? / Полис, 1999, № 1. С.10-25.
2. М.В.Ильин О грядущей России. Избр.статьи. М., 1993; А.В.Лукин Переходный период России: демократизация и либеральные реформы / Полис, 1999, №2. С.134-154.
3. Ларри Даймонд. Указ. соч.

КУРАКИНА Л.М.

ПАТРИОТИЗМ И (ИЛИ) ПОЛИТИЧЕСКИЙ НИГИЛИЗМ: К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛИТОЛОГИИ

Небольшой срок преподавания политологии в российских вузах все же дает возможность проанализировать как учебно-педагогические, так и социально-политические, мировоззренческие последствия освоения политических знаний.

В своем гуманитарном, мировоззренческом значении политология, как никакая другая учебная дисциплина, влияет на политические оценки и ориентации студентов. Работая со студентами, наиболее интеллектуально развитой, стремящейся к поиску смысловых ценностей и истин частью молодежи, вольно или невольно преподаватель политологии формирует ее определенную гражданскую позицию. Последствия этого воздействия не всегда однозначно и адекватно прогнозируемы. В частности, проблема «интеллектуальной эмиграции» («утечки мозгов») во многом есть следствие отсутствия элементарного патриотизма. Современная молодежь оказалась без важнейших исторических, гражданских, нравственных корней.

Раскрывая суть политических процессов, происходящих сегодня в России, преподаватель-политолог вынужден давать, в основном, негативные оценки. Характеристика современных политических структур, российской элиты, политических лидеров – это лишь очередной повод негативного отношения к собственной стране, к формированию политического нигилизма.